

ПОТЕСТАРНЫЕ МЕРЫ (ФОРМЫ) ВОСПИТАТЕЛЬНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ ФЕНОМЕНА

Петровский А.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Петровский А.В. Потестарные меры (формы) воспитательно-профилактического воздействия в отношении несовершеннолетних: криминологическое познание феномена. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;14(4):89–96. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-4-89-96>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Петровский Антон Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (928) 409-65-80

E-mail: Anton-Petrovski@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 01.11.2022

Статья принята к печати: 03.12.2022

Дата публикации: 19.12.2022

Аннотация: Использование в профилактике правонарушений юридических и иных социальных норм либо практик является дискуссионным вопросом. Актуальность темы обусловлена неоднозначной позицией теоретиков и практиков о допустимости применения потестарных форм (мер) воспитательно-профилактического характера, в отношении несовершеннолетних родителями и / или законными представителями. Таким образом, *цель* статьи заключается в научном анализе возможности включения принудительных потестарных методов превенции правонарушений, существующих в семье, общине, этнической группе, трудовом (профессиональном) коллективе в инструментарий предупреждения антиобщественного и/или преступного поведения.

Достижение цели, предполагает решение следующих *задач*: обоснование эффективности сочетания мер государственного принуждения и потестарного понуждения (родительского, этнического, конфессионального) для устранения и нейтрализации криминогенных детерминантов; аргументирование необходимости применения в антикриминальной превенции потестарного понуждения – неформального социального института навязывания культурных установок, ценностных значений, оценочных стандартов, правил поведения через призму коллективного мнения и старшинства.

Цели и задачи исследования способствовали выбору *методологии*, представленной системным подходом, рассматривающим феномен потестарных мер во взаимосвязи с профилактическим законодательством, а использование контент-анализа позволило систематизировать информацию о потестарных мерах (формах) воспитательно-профилактического воздействия на основе последовательного анализа публикаций по изучаемой тематике.

В *результате* были сформулированы предложения по модернизации законодательства, расширяющие перечень форм (мер) принудительно-воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних, а также обосновывающие включение в Уголовный кодекс РФ нормы «Обстоятельства допустимости поведения не представляющего общественную опасность».

Ключевые слова: профилактика правонарушений, превентивные практики, криминологическое законодательство, потестарное понуждение, воспитательное воздействие, криминорезистентные нормы, несовершеннолетний.

POTESTARY PROCEDURES (FORMS) OF PARENTING AND PREVENTIVE IMPACT ON JUVENILE: CRIMINOLOGICAL INDUCTIVE LEARNING OF THE PHENOMENON

Anton V. Petrovskiy
FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Petrovskiy A.V. Potestary procedures (forms) of parenting and preventive impact on juvenile: criminological inductive learning of the phenomenon. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;14(4):89–96. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-4-89-96>

CONTACT INFORMATION:

Anton V. Petrovskiy, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the FGBOU VO “Kuban State University”

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (928) 409-65-80

E-mail: Anton-Petrovski@yandex.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 01.11.2022

The article has been accepted for publication: 03.12.2022

Date of publication: 19.12.2022

Annotation: The use of legal and other social norms or practices in crime prevention is a debatable issue. The relevance of the topic is due to the ambiguous position of theorists and practitioners on the admissibility of using potestary forms (measures) of an educational and preventive nature in relation to minors by parents and / or legal representatives. Thus, the purpose of the article is to scientifically analyze the possibility of including coercive potestary methods of crime prevention that exist in the family, community, ethnic group, labor (professional) team in the toolkit for preventing antisocial and / or criminal behavior.

Achieving the goal involves solving the following tasks: substantiation of the effectiveness of a combination of measures of state coercion and potestary coercion (parental, ethnic, confessional) to eliminate and neutralize criminogenic determinants; argumentation of the need to use potestary coercion in anti-criminal prevention – an informal social institution for imposing cultural attitudes, value values, evaluative standards, rules of conduct through the prism of collective opinion and seniority.

The goals and objectives of the study contributed to the choice of a methodology presented by a systematic approach that considers the phenomenon of potestary measures in conjunction with preventive legislation, and the use of content analysis made it possible to systematize information about potestary measures (forms) of educational and preventive impact based on a consistent analysis of publications on the subject under study.

As a result, proposals were made to modernize the legislation, expanding the list of forms (measures) of compulsory educational influence in relation to minors, as well as justifying the inclusion in the Criminal Code of the Russian Federation of the norm Circumstances for the admissibility of behavior that does not pose a public danger.

Keywords: crime prevention, preventive practices, criminological legislation, potestary compulsion, parenting impact, crime-resistant rules, juvenile.

Введение

Криминологическое познание подразумевает изучение криминальных, девиантных, криминорезистентных явлений, с акцентированием внимания на объяснении причин их существования, с целью разработки концепций и методик предупреждения преступлений в целом¹ [4, с. 18–22]. Данная точка зрения близка европейской криминологии, которая определяет основную цель криминологии как изучение криминального и антиобщественного поведения для получения возможностей его предупреждения², конструирования мер общественного воздействия³, определения способов реагирования на преступное поведение⁴. Таким образом, предупреждение преступлений – главная цель любого криминологического изыскания, поэтому рассматриваемые или описываемые антикриминальные и криминальные явления рассматриваются в аспекте их причинности и профилактического потенциала⁵. Соответственно, криминологическое познание ориентировано на поиск регуляторов, императивов, социальных практик (форм и методов), направленных на устранение или нейтрализацию криминогенных детерминантов, воздействующих на общественное, микрогрупповое, индивидуальное правосознание, предупреждающих антисоциальное общественно опасное поведение.

Доминирующие на современном этапе формально-юридический подход, утверждает, что нормы права должны преимущественно быть выражены государством, иметь объективную форму (легитимированы), а субъекты правоотношений могут действовать только в рамках указанных нормативных предписаний, реализовывая обязанности, права и свободы [11, с. 14–16]. По этой причине институты антикриминального характера, не регулируемые законодательством, но содержащие элементы принуждения с указанным подходом не соотносятся. Их изучение якобы не отвечает критериям научности, поэтому практиками и теоретиками, криминорезистентным нормам и практикам неюридического характера должного внимания не уделяется⁶. Поэтому различные меры (формы) воспитательно-профилактического воздействия присутствующие в семье, общине, этнической группе, трудовом (профессиональном) коллективе исключаются из инструментов предупреждения антиобщественного и/или преступного поведения.

Сложившаяся ситуация ограничивает российскую систему профилактики правонарушений. Данное утверждение основывается на том, что воздействие социальными неюридическими формами (методами) предполагает потестарное понуждение или социально-индивидуальное давление, оно связано с возможными репутационными потерями, лишением финансовой и/или моральной поддержки, отказе в поддержке родственных отношений, групповом бойкоте, введением имущественных ограничений, психологическим принуждением и др. Потестарное понуждение присутствует в этнических группах (трудовых коллективах), и реализуется в запретах совершать антиобщественные действия, замечаниях, игнорировании, насмешках, осуждении и др. И контролируемое использование таких форм (методов) позволит успешно устранять и нейтрализовывать криминогенные детерминанты, формировать общественную правопослушность.

Методы исследования

Методологический аспект определяется системным подходом, позволивший рассматривать феномен потестарных мер профилактического антикриминального характера во взаимосвязи и взаимодействии с общественным правосознанием, культурой, моралью, ценностями, формальными и неформальными нормами. Использование метода контент-анализ позволило систематизировать информацию о потестарных мер (форм) воспитательно-профилактического воздействия на основе последовательного анализа публикаций по изучаемой тематике: (1) научной электронной библиотеки

¹ Алексеев А.И. Криминология: курс лекций. М.: Щит-М; 1998. С. 5–6.

² Криминология. Словарь-справочник. Составитель Х.-Ю. Кернер / отв. ред. А.И. Долгова. Москва: Норма; 1998. С. 122.

³ Шнайдер Г.Й. Криминология / пер. с нем. общ. ред. Л.О. Иванова. Москва: Прогресс; 1994. С. 9, 15.

⁴ Криминология / под ред. Дж. Ф. Шелли. СПб.: Питер; 2003. С. 44; Meško G. Kriminologija. Ljubljana: Fakulteta za varnostne vede, Univerza v Mariboru; 2016. Pp. 21; Theoretical Criminology / by Vold G.B., Thomas J.V. and Snipes J.B. 4–nd ed. New York: Oxford University Press; 1998.

⁵ Старков О.В. Криминология: Общая, особенная и специальная части: учебник. СПб.: Юридический центр Пресс; 2012. С. 8–11.

⁶ Касаев И.Х. Предупреждение преступлений, совершаемых участниками этнических преступных группировок: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013; Трубицын Д.А. Криминологическая характеристика и профилактика преступности коренных малочисленных народов Севера (по материалам Ямало-Ненецкого автономного округа): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2016.

elibrary.ru и (2) системы ScienceDirect. Всего было отобрано 329 работ, из которых были исключены дублированные, содержательно-нерелевантные, а также статьи заголовки, которых указывали на то, что тема публикации выходит за рамки исследования. Для поиска использовались заголовки и ключевые слова, соответствующие любому из трех критериев, изложенных ниже:

- 1) сведения, содержащиеся в статье посвящены распространенности потестарных мер (форм) принудительного воздействия на территории России;
- 2) предупреждение преступного поведения рассматривается с позиции потестарных практики и неюридических социальных норм;
- 3) работы, предлагают теоретические подходы сочетающие юридические и социальные неюридические методы (формы) профилактики правонарушений.

Результаты исследования

Потестарное понуждение (семейное, коллективное) – это совокупность неформальных социальных способов навязывания культурных установок, ценностных значений, правил поведения, которые служат для управления в микрогруппах. Оно предусматривает обучение и понуждение за счет механизма оценки поведения людей через призму коллективного мнения и старшинства, которое на представителей ряда народностей и профессиональных имеет большое значение. Потестарные санкции не обязательно влекут страдания нарушителя, они заключаются в восстановлении прежнего порядка, в приведении нарушенных связей к их нормальной форме. Таким образом, традиционная превенция деликвентных поступков базируется на восстановлении общественного равновесия, нарушенного каким-либо действием, добиваясь устранения причин и условий, детерминирующих такое отклоняющееся поведение.

Неформальные санкции изучались учеными, их подразделяют на: 1) покаяния, которые должны вызывать чувство вины у нарушителя; 2) порождающие стыдливость, потому что указанное чувство является важным сдерживающим психологическим фактором; 3) информационно-позорящие, связанные с распространением сведений, которые вызывают раскаяние и чувство вины; 4) создающие репутационные проблемы; 5) приносящие морально-материальные издержки, например отказ от оказания финансовой помощи со стороны родственников, коллектива, этническое группы; 6) остракизм, игнорирование, избегание, пренебрежение [18, с. 790–800].

В ряде регионов Северного Кавказа, Приволжского и Южного федерального округов разрыв между традиционным обществом и современным не так велик, как представляется. Традиционным обществам Северного Кавказа, Поволжского и Южного федерального округа, свойственно «потестарное понуждение» как механизм противодействия деликвентному поведению, тесно связанное с воспитанием, исправительным воздействием. Оно реализуется лицами, обладающими правом на потестарное принуждение и понуждение – социальные конфликты разрешаются родителями, советом старейших мужчин, либо лицами, обладающими качествами лидера или авторитетом, они же, поддерживают сложившийся в семье (коллективе, народности) порядок [7, с. 108–109]. Результат действия потестарных мер (форм) воспитательно-профилактического воздействия как профилактических институтов, можно отследить в официальной статистике МВД РФ, которая из года в год показывает низкий уровень преступности несовершеннолетних в республике Чечня. Так в структуре лиц, совершивших преступления на территории Чеченской Республики в 2016 году, несовершеннолетние, составляли 0,8%, в 2017 – 0,3%, в 2018 – 0,2%, в 2019 – 0,1%, в 2020 – 0,2%, в 2021 – 0,1%. Когда средний удельный вес несовершеннолетних преступников по Российской Федерации составил в 2017 – 4,4%, в 2018 – 4,3%, в 2019 – 4,2%, в 2020 – 3,9%, в 2021 – 3,4%. Исследования сдерживающего влияния стыда на индивида проводились за рубежом и позволяют сделать вывод о том, что страх причинения ущерба социальным связям или отношениям, человеку отождествляющего себя с определенной общностью и получающего от принадлежности к этой социальной формации пользу является сдерживающим фактором [13, с. 889–893; 17, с. 584–605].

Несовершеннолетние в целом склонны к деликвентности в форме игнорирования, психической агрессии, оскорблений, однако частота таких проявлений уменьшается при применении родителями эффективных нефизических наказаний, совмещаемых с обучением правопослушному поведению путем введения четких правил и соблюдения семейных традиций [14, с. 130–144; 15, с. 760–765]. Низкий уровень криминальной активности отмечается в сообществах, где феномен порицания деликвентного поведения, сформирован родителями либо авторитетными лицами коллектива [2]. Криминорезистентными внутрисемейными факторами признаны: материнская любовь, отцовская любовь, материнский надзор, потестарное (символическое) насилие со стороны

родителей, семейная сплоченность, родительское руководство поведением ребенка, наличие внутрисемейных нормативных ценностей, совпадающих с общесоциальными [16, с. 82–88].

Научная дискуссия

Институты семейной власти неоднократно изучались с позиции их превентивного потенциала [10; 12]. Однако, без должного научного внимания остались внутрисемейные неюридические нормы стимулирования добропорядочного поведения, которые, в дальнейшем, смогут войти в систему мер криминологической профилактики. Институт семьи продолжает играть значительную роль, как в провоцировании, так и в сдерживании противоправного поведения. В современном российском обществе родственные связи, окружающие определенную династию, имеют большое значение, особенно на региональном и муниципальном уровнях. Статус такой семьи может выполнять профилактическую функцию в разрешении межличностных конфликтов, либо членов таких семей можно использовать в качестве негосударственных судебных инстанций.

Не исследуемым феноменом остается допустимость (пределы) потестарного внутрисемейного понуждения взрослыми детей, которые склонны к антиобщественным поступкам. Государство определило в ст. 69 Семейного кодекса РФ, что основанием лишения родительских прав является жестокое обращение, физическое или психическое насилие над детьми. Любое жестокое обращение и физическое насилие в отношении детей должно быстро пресекаться правоохранительными органами.

Тем не менее целый перечень воспитательно-профилактических мер (форм) воздействия требуют анализа и оценки с позиции административно-деликтного и уголовного законодательства. Например, не будет ли являться основанием для применения мер правоохранительного воздействия действия родителей и выражающиеся в форме экономического принуждения «насилия»: 1) ограничение имущественных прав ребенка (запрет пользоваться игровыми приставками, сотовыми телефонами, смотреть телевизор); 2) лишение карманных денег, либо наоборот изъятие накопленных денег с целью компенсировать причиненный ребенком кому-то вред; 3) игнорирование родителями (иными законными представителями) отдельных требований подростков по поводу приобретения отдельных товаров и вещей за какие-то проступки; 4) как квалифицировать лишение несовершеннолетнего родителями (иными законными представителями) свободы передвижения, выражающегося в запрете выходить из комнаты, жилища, если он допускает антиобщественное поведение. К сожалению, образовательными учреждениями и социального обслуживания, приведенные примеры трактуются как трудные жизненные ситуации, жестокое обращение, психическое насилие порождая применение мер в отношении родителей или законных представителей. А подростки используют сложившуюся ситуацию, запугивая преподавателей и родителей, нивелирования их воспитательный потенциал.

Еще более не однозначна позиция правоприменителя по отношению к психическому понуждению, которое сопряжено со словесными угрозами и / или оскорблениями, высказанными родителями (педагогами). Простое наблюдение за общением детей и их родителей на детских площадках, показывает, что первые наговаривают на объективную сторону ст. 119 УК РФ каждый день, а иногда по несколько раз в день. Решение видится в открытом обсуждение данной проблемы учеными криминологами, педагогами, психологами, в проведение психолого-социологических и криминологических исследований культурно-агрессивных особенностей воспитания. Обобщение всех материалов, рекомендаций, результатов исследований должны формализоваться в поправках к Семейному кодексу РФ, Федеральному закону № 120-ФЗ от 24.06.1999 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», которые должны формализовать и детализировать допустимые меры (формы) воспитательно-профилактического воздействия в отношении несовершеннолетних. В итоге должны быть подготовлены соответствующие поправки в Семейный кодекс РФ, которые должны отразить, что не является общественно опасным родительское воспитательное понуждение, если оно предполагает экономические, имущественные ограничения ребенка, а также ограничение связанные с передвижением и использованием личным имуществом.

Обязательными мерами (формами) воспитательно-профилактического воздействия в отношении несовершеннолетних, должны стать антикриминальная пропаганда и просвещение в виде: 1) постулирования традиционных образцов и практики поведения: ответственность старших в семье за поведение младших, субординация в отношениях учителя и обучаемого, послушание со стороны обучающихся и детей; 2) навязывания этнокультурных особенностей поведения: женские обязанности–мужские обязанности, моральный авторитет во внутрисемейных отношениях; 3) установления государственной и региональной идеологии, выраженной в декларировании и

следовании ценностным, религиозным, моральным установкам. Проблему родительского авторитета можно решать за счет возрождения «идеи патриархальности» в семье, когда уважение родителей является обязательной для младших, а общество осуждает неподчинение детей разумной родительской воле. Неформальные нормы, регулирующие отношения между родителями и детьми могут быть адаптированы к современности с учетом социального и экономического развития общества, а создаваемая модель «ювенальной юстиции» должна учитывать отдельные элементы и положительный потенциал обычного права. Для укрепления института семьи, поддержки государством внутрисемейных воспитательных мер требуется создание института оказания как добровольной социально-психологической, так и принудительной помощи.

Реализовать такой подход возможно путем легитимации на региональном уровне отдельных криминалрезистентных норм некарательного характера направленных на предупреждение преступлений (правонарушений). Основой такого законодательства могут стать этические кодексы поведения составляющие основу регулирования на микрогрупповом уровне отношений связанных с устранением причин и условий социального вредного для микрогруппы поведения либо формирования правопослушной индивидуальной ментальности. Существующие неюридические формы (методы) профилактической направленности нашли свое отражение в:

– различных этнических правилах одобряемого и неодобряемого поведения: Нохчалла – спектр норм жизни чеченца и ингуша, своеобразный кодекс чести, Адыге Хабзе – адыгский свод неписанных правил поведения и общественных коммуникаций, Уклад Войсковых Казачьих Обществ, устанавливающий отношения внутри сообщества, с православной церковью, воспитания детей и др.¹ [5; 8, с. 47–50];

– религиозных нормах, направленных на нейтрализацию криминогенных детерминантов: покаяние в грехах, смирение, негативное отношение к эгоизму, стяжательству, чревоугодию, лени, хамству² [9, с. 21–29];

– криминалрезистентных нормах профессионального поведения (морской этикет и традиции, воинские традиции и культура общения) [1, с. 203–210; 6, с. 98].

Существование таких нормативных установок привело к появлению мер (форм) профилактического воздействия, не указанных в Федеральном законе № 182-ФЗ. Так, в Республике Чечня распространена практика публичных извинений нарушителя моральных и нравственных норм перед своим народом за антиобщественное поведение, которая неформально получила распространение в отдельных регионах России, когда лицо, допустившее клеветнические высказывания либо действия в отношении ветеранов, военных захоронений или действий на Украине просил прощения, что потом транслировалось по телевидению.

В идеале, различные антикриминальные формы (методы) (законодательные и социальные) должны быть взаимозависимы между собой, трансформируясь в плоскость последовательной практической деятельности. Если адаптировать идеи Дж. Бьюнкена для такого профилактического подхода, то можно сказать, что современное государство должно реализовывать две функции: «государства защищающего» и «государства позволяющего», где вторая, представляет собой возможность реализации не противоречащего федеральному и региональному законодательству традиционного (этнокультурного) антикриминального поведения населения в социальной действительности [3; с. 2–10]. Государство может трансформировать неюридические криминологические нормы, закрепляя их в законодательстве. Неформальные профилактические нормы выступают цементирующим средством, заполняя пробелы реализации и применения превентивных практик в различной среде. Адаптивность таких норм заключается в том, что они исторически инвариантны, сохраняют поведенческие установления неизменным, независимо, а нередко и вопреки воли правителей и законодателей, позволяет выстроить двухуровневую систему, где основная цель будет не тяжесть репрессии, а неотвратимость ответственности и неприятие противоправного поведения.

Подводя итог, и завершая научную дискуссию, предвидя необходимость легитимации принудительных потестарных мер (форм) воспитательно-профилактического воздействия предлагаю:

¹ Баязитова Р.Р. Традиционный этикет в башкирской семье: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2006.

² Бажан Т.А., Старков О.В. Религиоведение для юристов: учебник / общ. ред. О.В. Старкова. СПб.: Юридический центр Пресс; 2007. С. 264–361; Касторский Г.Л. Уголовно-правовой и криминологический анализ использования концепций мировых религий в противодействии преступному поведению: дис. ... д-ра. юрид. наук. СПб., 2002.

– включить в Уголовный кодекс РФ норму «Обстоятельства допустимости поведения не представляющего общественную опасность», в которой должны быть отображены положения определяющие общественно безопасными действия по психологическому, имущественному, моральному понуждению несовершеннолетних их родителями, педагогами, воспитателями в процессе воспитания правопослушности, а также действия, связанные с психологическим понуждением членами трудового коллектива работника, представителями этнической общности своего представителя связанные с профилактикой совершения им правонарушений и преступлений;

– расширить перечень форм (мер) принудительно-воспитательного воздействия: 1) несовершеннолетнего преступника надо помещать не только под надзор, но и под поручительство, которое должно предусматривать публичное озвучивание и принятие конкретных обязательств по воспитанию и контролю, за неисполнение которых поручитель должен привлекаться к ответственности (изменения п. «б» ч. 2 ст. 90 УК РФ); 2) ст. 90 УК РФ и ст. ст. 427 и 431 УПК РФ следует дополнить частью, которая должна содержать указание на закрепление конкретных лиц, ответственных за его исправление и отвечающих за индивидуальную профилактику подростка;

– внести в Федеральный закон № 120-ФЗ от 24.06.1999 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» изменения, которые должны формализовать и детализировать допустимые меры (формы) воспитательно-профилактического воздействия в отношении несовершеннолетних.

Список использованной литературы:

1. Альмухаметов Р.Ш. «Неуставные взаимоотношения» среди военнослужащих срочной службы в современной России: факторы и контексты. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки.* 2013;13(4):202–213.
2. Брейтуэйт Дж. Преступление, стыд, воссоединение: монография. Москва: Центр судебной реформы; 2002.
3. Бьюкенен Дж. У. Граница Свободы. Между анархией и левиафаном. *Муниципальная экономика.* 2015;(2(62)):2–10.
4. Гишинский Я.И. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности: взгляд криминолога. *Криминалист.* 2021;(2(35)):8–22.
5. Гозгешева С.М. Феномен традиционных институтов обычного права (адата) и мусульманского (шариата) на Северном Кавказе. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология.* 2011;(3):293–300.
6. Гринько Н.К., Грунь В.Д., Лунев В.Г. Культурные традиции и обычаи горняков. *Горная промышленность.* 2015;(1(119)):98–101.
7. Думанов Х.М., Першиц А.И. Мононоратика и начальное право. Статья первая. *Государство и право.* 2000;(1):108–109.
8. Ерохин И.Ю. Унификация казачьего законодательства как тенденция деятельности правительства и централизованного государственного аппарата XIX – первой четверти XX вв. *Пробелы в российском законодательстве.* 2015;(2):47–50.

References:

1. Al'mukhametov R.Sh. ["Hazing" among conscripts in modern Russia: factors and contexts]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-ehkonomicheskie nauki = Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Social and Economic Sciences.* 2013;13(4):202–213. (In Russ.)
2. Breituheit Dzh. [Crime, shame, reunion]. Moscow: Center for Judicial Reform; 2002. (In Russ.)
3. B'yukenen Dzh.U. [The Frontier of Freedom. Between anarchy and leviathan]. *Munitsipal'naya ehkonomika = Municipal economy.* 2015;(2(62)):2–10. (In Russ.)
4. Gilinskii Ya.I. [Crimes against public health and public morality: the view of a criminologist]. *Kriminalist' = Criminalist.* 2021;(2(35)):8–22. (In Russ.)
5. Gozgesheva S.M. [The phenomenon of traditional institutions of customary law (adat) and Muslim (sharia) in the North Caucasus]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya = Bulletin of the Adyge State University. Serya 1. Regional studies, philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies.* 2011;(3):293–300. (In Russ.)
6. Grin'ko N.K., Grun' V.D., Lunev V.G. [Cultural traditions and customs of miners]. *Gornaya promyshlennost' = Mining industry.* 2015;(1(119)):98–101. (In Russ.)
7. Dumanov Kh.M., Pershits A.I. [Mononoratics and initial law. Article one]. *Gosudarstvo i parvo = State and law.* 2000;(1):108–109. (In Russ.)
8. Erokhin I.Yu. [Unification of the Cossack legislation as a trend in the activities of the government and the centralized state apparatus of the 19th – first quarter of the 20th centuries]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation.* 2015;(2):47–50. (In Russ.)

9. Карпенков И.В. Религиозные нормы и ценностные ориентации в современных правовых и политических отношениях. *Национальная безопасность и стратегическое планирование*. 2021;(2(34)):21–29. DOI: 10.37468/2307-1400-2021-2-21-29.
10. Харламов В.С. Отечественный и зарубежный опыт противодействия криминальному насилию в семье: монография. СПб.: Питер; 2014.
11. Шатковская Т.В., Напалкова И.Г. Развитие методологии познания источников права. *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2017;(3):9–16.
12. Шестаков Д.А. Семейная криминология (криминофамилистика): монография. СПб.: Юридический центр Пресс; 2003.
13. Allen S., Murphy K., Bates L. What drives compliance? The effect of deterrence and shame emotions on young drivers' compliance with road laws. *Policing and society*. 2017;(27(8)):884–898. DOI: 10.1080/10439463.2015.1115502.
14. Farrington D.P., Welsh B.C. Family-based prevention of offending: A meta-analysis. *The Australian and New Zealand Journal of Criminology*. 2003;2(36):127–151. DOI: 10.1375/acri.36.2.127.
15. Hovee M., Dubas J.S., Eichelsheim V.I., van der Laan, Smeenk P.H., Gerris J.R. The relationship between parenting and delinquency: a meta-analysis. *Journal of Abnormal Child Psychology*. 2009;37(6):749–775. DOI: 10.1007/s10802-009-9310-8.
16. Kolvin I., Miller F.J., Fleeting M., Kolvin P.A. Social and parenting factors affecting criminal-offence rates. Findings from the Newcastle Thousand Family Study (1947–1980). *The British Journal of Psychiatry*. 1988;(152):80–90. DOI: 10.1192 / bjp.152.1.80.
17. Nagin D.S., Paternoster R. Personal capital and social control: The deterrence implications of a theory of individual differences in criminal offending. *Criminology*. 1994;32(4):581–606. DOI: 10.1111 / j.1745-9125.1994.tb01166.x.
18. Peng Y. When Formal Laws and Informal Norms Collide: Lineage Networks versus Birth Control Policy in China. *American Journal of Sociology*. 2010;116(3):770–805. DOI: 10.1086/657102.
9. Karpenkov I.V. [Religious Norms and Value Orientations in Modern Legal and Political Relations]. *Natsional'naya bezopasnost' i strategicheskoe planirovanie = National Security and Strategic Planning*. 2021;(2(34)):21–29. DOI: 10.37468/2307-1400-2021-2-21-29. (In Russ.)]
10. Kharlamov V.S. [Domestic and foreign experience in combating criminal violence in the family]. St. Petersburg: Piter; 2014. (In Russ.)]
11. Shatkovskaya T.V., Napalkova I.G. [Development of the methodology of cognition of the sources of law]. *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik = North Caucasian Legal Bulletin*. 2017;(3):9–16. (In Russ.)]
12. Shestakov D.A. [Family criminology (criminology)]. St. Petersburg: Legal Center Press; 2003. (In Russ.)]
13. Allen S., Murphy K., Bates L. What drives compliance? The effect of deterrence and shame emotions on young drivers' compliance with road laws. *Policing and society*. 2017;(27(8)):884–898. DOI: 10.1080/10439463.2015.1115502.
14. Farrington D.P., Welsh B.C. Family-based prevention of offending: A meta-analysis. *The Australian and New Zealand Journal of Criminology*. 2003;2(36):127–151. DOI: 10.1375/acri.36.2.127.
15. Hovee M., Dubas J.S., Eichelsheim V.I., van der Laan, Smeenk P.H., Gerris J.R. The relationship between parenting and delinquency: a meta-analysis. *Journal of Abnormal Child Psychology*. 2009;37(6):749–775. DOI: 10.1007/s10802-009-9310-8.
16. Kolvin I., Miller F.J., Fleeting M., Kolvin P.A. Social and parenting factors affecting criminal-offence rates. Findings from the Newcastle Thousand Family Study (1947–1980). *The British Journal of Psychiatry*. 1988;(152):80–90. DOI: 10.1192 / bjp.152.1.80.
17. Nagin D.S., Paternoster R. Personal capital and social control: The deterrence implications of a theory of individual differences in criminal offending. *Criminology*. 1994;32(4):581–606. DOI: 10.1111 / j.1745-9125.1994.tb01166.x.
18. Peng Y. When Formal Laws and Informal Norms Collide: Lineage Networks versus Birth Control Policy in China. *American Journal of Sociology*. 2010;116(3):770–805. DOI: 10.1086/657102.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Петровский Антон Владимирович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: 0000-0002-0326-0807

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anton V. Petrovskiy

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: 0000-0002-0326-0807